УДК 111; 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664
EDN XAWKZX

Цифровой номадизм и трансформация молодежных субкультур: философско-культурологический анализ феномена диффузной идентичности

Хасуев А.Э.
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
Россия, 364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
alarih95@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования выступает трансформация бытования молодежных субкультур в условиях цифровой реальности. Цель работы – философско-культурологическое осмысление перехода от классических, структурно оформленных субкультур к текучим, сетевым формам идентичности («цифровой номадизм»). Методология базируется на синтезе феноменологического подхода, теории сетевого общества и постструктуралистской концепции ризомы. В процессе исследования выявлено, что современная субкультурная активность утрачивает черты жесткой оппозиционности мейнстриму, трансформируясь в эстетизированные «стилевые сообщества» с диффузными границами. Селан вывод о том, что виртуализация коммуникации порождает феномен «мерцающей» идентичности, которая реализуется через симулякры стиля. Перспективы исследования связаны с изучением алгоритмической детерминации культурных кодов молодежи и этических импликаций цифрового эскапизма.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, цифровой номадизм, идентичность, ризома, сетевое общество, симулякр, виртуализация, культурная диффузия, постсубкультурная теория, философия культуры

Для цитирования: Хасуев А.Э. 2026. Цифровой номадизм и трансформация молодежных субкультур: философско-культурологический анализ феномена диффузной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 658–664. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664 EDN: XAWKZX

Digital Nomadism and the Transformation of Youth Subcultures: A Philosophical and Culturological Analysis of the Diffuse Identity Phenomenon

Aslanbek E. Khasuev
A.A. Kadyrov Chechen State University
32 A. Sheripov St., Grozny 364024, Russian Federation
alarih95@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the transformation of youth subcultures in the conditions of digital reality. The aim of the work is to describe a philosophical and cultural understanding of the transition from classical, structurally formed subcultures to fluid, network forms of identity ("digital nomadism"). The methodology is based on the synthesis of the phenomenological approach, the theory of the network society, and the poststructuralist concept of the rhizome. The research has revealed that modern subcultural activity is losing the features of rigid opposition to the mainstream, transforming into

© Хасуев А.Э., 2026

aestheticized "style communities" with diffuse boundaries. It has been substantiated that the virtualization of communication generates the phenomenon of "flickering" identity, which is realized through simulacra of style. The prospects of the research are associated with the study of algorithmic determination of youth cultural codes and the ethical implications of digital escapism.

Keywords: youth subcultures, digital nomadism, identity, rhizome, network society, simulacrum, virtualization, cultural diffusion, post-subcultural theory, philosophy of culture

For citation: Khasuev A.E. 2026. Digital Nomadism and the Transformation of Youth Subcultures: A Philosophical and Culturological Analysis of the Diffuse Identity Phenomenon. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 658–664 (in Russian). **DOI**: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664 EDN: XAWKZX

Трансформация бытия современного человека неразрывно связана с проникновением цифровых технологий во все сферы жизненного мира. Особую остроту этот процесс приобретает в контексте анализа молодежных сообществ, которые исторически выступали маркерами социокультурных сдвигов. Классическая парадигма исследования субкультур, заложенная еще Бирмингемской школой (CCCS), рассматривала молодежные объединения как форму символического сопротивления господствующей культуре, основанную на жесткой классовой детерминации и территориальной локализации [Hebdige, 2002, с. 57]. Однако современная действительность демонстрирует радикальный разрыв с этой традицией. Мы наблюдаем закат «героического» периода субкультур, на смену которому приходит эпоха диффузных, эстетически ориентированных сообществ, существующих преимущественно в пространстве цифровых платформ. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью философского осмысления онтологического статуса этих новых форм коллективности, которые уже невозможно описывать в категориях суб-, контр- или даже пост-культуры. В рамках данной статьи ставится цель концептуализировать феномен «цифрового номадизма» как специфического модуса бытования молодежных культурных практик, характеризующегося отказом от стабильной идентичности в пользу перманентной смены стилевых масок. Достижение поставленной цели требует решения ряда задач: во-первых, критического анализа методологического аппарата классической теории субкультур; во-вторых, выявления онтологических характеристик сетевого взаимодействия, влияющих на структуру сообществ; в-третьих, экспликации философских оснований феномена диффузной идентичности. Методологический фундамент исследования строится на междисциплинарном синтезе. Мы опираемся на феноменологическую традицию, позволяющую схватить переживание принадлежности к сообществу изнутри, на теорию сетевого общества М. Кастельса, описывающую архитектуру современных коммуникаций [Кастельс, 2016, с. 117], а также на постструктуралистскую концепцию ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которая, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает децентрированную природу современных культурных образований [Делёз, 2010, с. 92]. Кроме того, значимым инструментом выступает концепция «племен» М. Маффесоли, описывающая эмоционально заряженные, но нестабильные общности, приходящие на смену институциональным структурам [Маффесоли, 2020, с. 44]. В работе также используются сравнительно-исторический и аналитический методы, позволяющие выявить динамику трансформации культурных кодов молодежи.

Обращаясь к истории вопроса, следует подчеркнуть, что классические субкультуры XX века, будь то тедди-бои, моды, хиппи или панки, обладали рядом фундаментальных характеристик. Прежде всего, это наличие четко артикулированного протестного потенциала, направленного либо против классового неравенства, либо против культурной

гегемонии буржуазного общества. Стиль (одежда, музыка, сленг) выполнял функцию семиотического барьера, отделяющего «своих» от «чужих», и был способом означивания политической позиции. Дик Хебдидж в своей основополагающей работе Subculture: The Meaning of Style убедительно показал, как панк-стилистика через нарочитую вульгарность и эстетику распада осуществляла семиологическую партизанскую войну против норм приличия [Hebdige, 2002, с. 102]. Однако с наступлением эпохи постмодерна и в особенности цифровой эры эти бинарные оппозиции (сопротивление – подчинение, аутентичность – коммерция, глубина – поверхность) подверглись деконструкции. Современное культурное производство характеризуется тотальной эстетизацией повседневности, когда сам бунт становится товаром, а стиль отрывается от своего социального означаемого. В этой связи уместно говорить о том, что понятие «субкультура» в значительной степени утратило свою эвристическую ценность, уступив место концептам «сцены» или «стилевого сообщества». Немаловажным фактором является смена способа коммуникации. Если ранее для конституирования субкультуры требовалось физическое пространство (клуб, площадь, район), то теперь цифровая среда позволяет формировать сообщества, не имеющие территориальной привязки. Пространство потоков заменяет пространство мест, что ведет к принципиально иной топологии культурных связей [Кастельс, 2016, с. 211]. Молодой человек, увлекающийся, к примеру, эстетикой vaporwave или dark academia, может физически находиться в российской провинции, но его культурная идентичность будет формироваться в глобальном цифровом пространстве, посредством обмена изображениями и музыкальными фрагментами в социальных сетях. Это приводит к тому, что Делёз и Гваттари назвали бы номадическим распределением: идентичность больше не коренится в определенной почве (территории), а движется по гладкому пространству сети, образуя временные соединения [Делёз, 2010, с. 203]. Наблюдается переход от «древесной» модели культуры, где есть ствол (мейнстрим) и ветви (субкультуры), к «ризоматической» модели, где нет центра и периферии, а есть бесконечное переплетение побегов. В этих условиях субкультурная принадлежность перестает быть судьбой или экзистенциальным выбором, она становится игровым модусом, маской, которую можно надеть и снять в зависимости от контекста.

Результаты исследования позволяют утверждать, что ключевой характеристикой современной молодежной культурной активности является феномен диффузной идентичности, или, как мы его определили, «цифровой номадизм». Под цифровым номадизмом в культурологическом смысле мы понимаем не просто удаленный формат работы, но гораздо более широкое явление – способ существования субъекта в культурном поле, при котором он постоянно мигрирует между различными эстетическими платформами, не задерживаясь надолго ни в одной из них. Как отмечает З. Бауман, современность характеризуется «текучестью», когда любые социальные институты, включая идентичность, обретают свойства жидкости: они не держат форму, а растекаются, заполняя любые доступные ниши [Бауман, 2008, с. 87]. В отличие от «тяжелой» идентичности модератора или хиппи, которая накладывала обязательства на всю жизнь, «текучая» идентичность современного молодого человека фрагментарна. Эмпирический анализ контента социальных сетей демонстрирует, что один и тот же индивид в течение недели может активно участвовать в обсуждениях, визуально маркируя себя то как представителя cottagecore (эстетика идеализированной сельской жизни), то как адепта techwear (футуристическая утилитарная мода), то погружаться в ностальгические образы retrowave. Это не является шизофренией в клиническом смысле, но это симптом шизофренизации культуры, о которой писали теоретики постмодернизма. Субъект больше не стремится к синтезу единого «Я», он комфортно существует в режиме «бриколажа», собирая себя из кусочков различных культурных кодов. Данный процесс тесно связан с тиражированием симулякров. Согласно Ж. Бодрийяру, мы живем в мире гиперреальности,

где копии не имеют оригиналов [Бодрийяр, 2015, с. 45]. Применительно к субкультурам это означает, что современные цифровые «племена» часто воспроизводят эстетику прошлого, лишенную своего изначального социально-политического или экзистенциального содержания. Феномен vaporwave здесь является хрестоматийным примером: данное течение, возникшее в интернете около 2010 года, эксплуатирует ностальгию по утраченному будущему, используя замедленные фрагменты поп-музыки 80-х и 90-х, эстетику старых операционных систем и античную скульптуру. В этой эстетике нет протеста против капитализма, присущего классическим субкультурам, но есть меланхоличное принятие его безальтернативности и ироничное «зависание» в руинах утопий [Reynolds, 2011, с. 189]. Цифровой номад блуждает по этим руинам, собирая осколки смыслов, но не создавая из них новой целостности.

Существенной проблемой, выявленной в ходе философского анализа, является трансформация механизмов солидарности и аутентичности. Классическая субкультура, как уже отмечалось, подразумевала высокий порог вхождения: необходимо было знать пароли, носить правильные вещи, посещать правильные места. Это создавало сильное чувство общности («мы») и четко очерченного врага («они»). В цифровой среде порог вхождения снижается практически до нуля. Для того чтобы примкнуть к сообществу, достаточно подписаться на соответствующий паблик или надеть виртуальную маску (аватар) с определенной атрибутикой. Аутентичность, которая была сакральной ценностью для панков или хиппи, заменяется перформативностью. Как утверждает Э. Гидденс, в условиях позднего модерна идентичность становится проектом, который индивид постоянно «достраивает» и редактирует [Гидденс, 2012, с. 75]. В цифровом пространстве этот проект приобретает черты сериала: индивид выкладывает серию визуальных «сторителлингов», презентуя себя как определенный культурный типаж. Однако, в отличие от реальной жизни, в сети всегда доступна опция «удалить аккаунт» или начать с чистого листа, что порождает особый тип легковесного бытия. Немецкий философ Х.У. Гумбрехт описывает это как «присутствие» без «смысла»: современному человеку важнее ощущать сопричастность к эстетической атмосфере, нежели понимать идеологическую нагрузку того или иного стиля [Гумбрехт, 2006, с. 112]. Эта атмосфера (например, «вайб» в молодежном сленге) становится главным критерием объединения. М. Маффесоли ввел понятие «неотрайбализм» для описания таких общностей, где эмоциональная эмпатия и разделяемое переживание важнее рационального согласия с доктриной [Гумбрехт, 2006, с. 98]. Современные «цифровые неоплемена» (например, фанаты K-Pop группы BTS или сообщество e-girls/e-boys) демонстрируют высокий уровень внутренней солидарности и даже способность к коллективным политическим действиям (вспомним кампании по срыву митингов или сбору средств), но эта солидарность нестабильна и направлена не столько на изменение общества, сколько на поддержание эмоционального комфорта внутри «племени». Идентичность здесь, перефразируя Баумана, подобна мантии, которую носят не потому, что она соответствует сущности, а потому что она нравится в данный момент [Бауман, 2008, с. 121].

Отдельного философского внимания заслуживает пространственно-временная организация цифрового номадизма. В традиционной культуре субкультурный опыт был темпорально растянут: он был связан с биографическим временем (подростковый кризис, взросление, выход из субкультуры). Современный цифровой опыт сжимает время до точки «здесь и сейчас». Скорость обновления контента в социальных сетях (лента, stories, тикток-челленджи) не оставляет времени на длительное «проживание» идентичности. Это порождает феномен культурной амнезии: вчерашний тренд, на основе которого строилось сообщество, сегодня уже считается устаревшим или «кринжовым». Субъект вынужден постоянно обновлять свою культурную оболочку, чтобы оставаться в потоке. В этом смысле цифровой номад – это не бунтарь, а, скорее, турист, постоянно перемещающийся по культурным ландшафтам в поисках новых впечатлений и «инстаграмных» локаций.

Джон Урри, анализируя феномен туристического взгляда, отмечал, что туризм как практика потребления знаков глубоко изменил способ восприятия реальности [Urry, 2011, с. 45]. Современный цифровой номад является «туристом в собственной культуре»: он относится к собственному стилю жизни как к объекту созерцания и потребления. Его присутствие в субкультурном пространстве непродолжительно, оно отягощено не обетом верности, а лишь контрактом на пользование эстетикой. Это неизбежно ведет к деполитизации и деидеологизации молодежных движений. Если ранние субкультуры стремились переделать мир (хиппи) или разрушить его (панки), то современные сетевые эстетики стремятся лишь к созданию красивой картинки. Бунт сменяется ресентиментом, а политическое действие – фланёрством. Исследователи фиксируют, что даже в сообществах, позиционирующих себя как оппозиционные (например, новые экологические активисты или радикальные феминистские блоги), дискурс смещается от требований системных изменений к практикам «заботы о себе» (self-care) и демонстрации индивидуального образа жизни [Bennett, 2013, с. 312]. Это является логичным следствием неолиберальной рациональности, которая интериоризирует внешний контроль и переводит его в режим самоменеджмента.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что современные молодежные субкультуры представляют собой не столько субстанциональные образования, сколько номадические процессы эстетической сборки. Произошла фундаментальная сдвижка от семиотики сопротивления к семиотике игры. Концепт «цифрового номадизма» фиксирует это новое состояние: отрыв от территориальных корней, временность любых форм принадлежности и доминирование визуального потребления над идеологическим производством. Разумеется, было бы некорректно утверждать, что классические формы субкультурной активности полностью исчезли. Однако они маргинализируются и вытесняются на периферию культурного мейнстрима цифровой эпохи. Идентичность современного молодого человека больше не описывается формулой «я есть тот, кто я есть», а описывается формулой «я есть тот, кем я выгляжу в данный момент в цифровом следе». Это состояние диффузной идентичности, которое можно охарактеризовать как перманентное «мерцание» между несколькими экранами смысла.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в нескольких направлениях. Прежде всего, требует углубленного философского анализа проблема алгоритмической власти. Цифровой номад свободен в выборе маски, но не свободен в выборе витрины: рекомендательные алгоритмы платформ (TikTok, Instagram, Spotify) формируют коридоры вкуса, создавая «пузыри фильтров», внутри которых и происходит миграция идентичностей. Возникает парадокс: бесконечное разнообразие эстетик при сужении горизонта возможного культурного опыта [Паризер, 2013, с. 105]. Необходимо исследовать, в какой мере эта алгоритмическая детерминация возвращает нас к структурной предопределенности, от которой, казалось бы, молодежь освободилась в цифровую эпоху. Во-вторых, важной темой является этическое измерение цифрового эскапизма. Диффузная идентичность, будучи формой адаптации к ускоряющемуся миру, одновременно является формой бегства от реальности, от ответственности за Другого. Когда культурная принадлежность становится лишь аксессуаром, размывается основа для подлинного диалога и солидарности. Перспективно изучение того, как в этих условиях возможно формирование этики неотрайбализма, основанной не на тождестве (мы одинаковые), а на различии и диалоге. Наконец, требует дальнейшего осмысления феномен «усталости» от цифрового номадизма, который начинает проявляться в молодежной среде в виде интереса к «медленным» культурам, ремесленным практикам и новому локализму. Возможно, мы стоим на пороге нового синтеза, когда виртуальная мобильность будет дополнена поиском точек экзистенциальной укорененности. Таким

образом, представленный в статье философско-культурологический анализ показывает, что цифровой номадизм является амбивалентным феноменом: он дарует беспрецедентную свободу культурного самовыражения, но одновременно погружает субъекта в состояние экзистенциальной бездомности, из которой предстоит искать выход уже следующим поколениям мыслителей и практиков.

Список литературы

Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Пер. с фр. А. Качалова. М., Издательский дом «ПОСТУМ», 240 с.

Гидденс Э. 2012. Современность и самоидентичность. Пер. с англ. М., Праксис, 450 с.

Гумбрехт Х.У. 2006. Производство присутствия: Чего не может передать значение. Пер. с англ. С. Зенкина. М., Новое литературное обозрение, 184 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург, У-Фактория; М., Астрель, 895 с.

Кастельс М. 2016. Власть коммуникации. Пер. с англ.; под науч. ред. А.И. Черных. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 568 с.

Маффесоли М. 2020. Время племен: упадок индивидуализма в массовом обществе. Пер. с фр. М., Академический проект, 280 с.

Паризер Э. 2012. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? Пер. с англ. М., Альпина Бизнес Букс, 304 с.

Bennett A. 2013. Music, Style, and Aging: Growing Old Disgracefully? Philadelphia, Publ. Temple University Press, 226 p.

Hebdige D. 2002. Subculture: The Meaning of Style. London, Publ. Routledge, 195 p.

Reynolds S. 2011. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. New York, Publ. Faber & Faber, 264 p.

Urry J., Larsen J. 2011. The Tourist Gaze 3.0. London, Publ. SAGE Publications, 296 p. DOI: 10.4135/9781446251904.

References

Bauman Z. 2008. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Translated from English by S.A. Komarov. St Petersburg, Publ. Piter, 238 p.

Bodriyyar Zh. 2015. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Translated from the French by A. Kachalov. Moscow, Publ. POSTUM, 240 p.

Giddens E. 2012. Sovremennost' i samoidentichnost' [Modernity and Self-Identity]. Translated from English. Moscow, Publ. Praksis, 450 p.

Gumbrecht H.U. 2006. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Translated from English by S. Zenkin. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 184 p.

Delez Zh., Guattari F. 2010. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from the French and afterword by Ya.I. Svirsky; scientific ed. V.Yu. Kuznetsov. Yekaterinburg, Publ. U-Faktoriya; Moscow, Publ. Astrel, 895 p.

Kastel's M. 2016. Vlast' kommunikatsii [Communication Power]. Translated from English; scientific ed. A.I. Chernykh. Moscow, Publ. HSE Publishing House, 568 p.

Maffesoli M. 2020. Vremya plemen: upadok individualizma v massovom obshchestve [The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society]. Translated from the French. Moscow, Publ. Akademicheskiy proekt, 280 p.

Parizer E. 2012. Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas? [The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You]. Translated from English. Moscow, Publ. Alpina Business Books, 304 p.

Bennett A. 2013. Music, Style, and Aging: Growing Old Disgracefully? Philadelphia, Publ. Temple University Press, 226 p.

Hebdige D. 2002. Subculture: The Meaning of Style. London, Publ. Routledge, 195 p.

Reynolds S. 2011. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. New York, Publ. Faber & Faber, 264 p.

Urry J., Larsen J. 2011. The Tourist Gaze 3.0. London, Publ. SAGE Publications, 296 p. DOI: 10.4135/9781446251904

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.01.2026
Поступила после рецензирования 24.04.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received January 24, 2026
Revised April 24, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хасуев Асланбек Эйляевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek E. Khasuev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.